

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Клубный двор. Дома Рапопорта и Лашкарева

Так на протяжении нескольких десятилетий именовали сердцевину XIV-го квартала, ограниченного улицами Екатерининской, Греческой, Ришельевской и Полицейской (Бунина). Мы говорим о месте, ныне застроенном большим торговым центром по улице Екатерининской, № 27, и смежной территории со стороны Ришельевской.

Это и был так называемый *«старый клубный двор»*, то есть двор, примыкавший к временному Городскому театру, устроенному в хлебном магазине при доме покойного питейного откупщика *Жана Дофине*, который после его кончины перешел в казну за долги, а затем был продан в частные руки. Во всяком случае, временный театр всегда связывали с дворовыми местами дома *графини Ржевуской* на углу Греческой и Ришельевской улиц. А.А. Скальковский пишет: «До его (Городского театра. – О. Г.) открытия была временная зала в большом магазине помещицы Ржевуской, на Ришельевской улице, существовавшем еще в 1830 году. В этом доме был и род гостиницы с общественною залою для вечерних собраний, которая до постройки дома Рено называлась Старый клуб». На самом деле все гораздо любопытнее и немного сложнее, чем сообщает далеко не безошибочный Скальковский, приехавший в Одесу только в 1828 году, и мы сейчас с этим разберемся.

Греческий базар обычно отождествляют с Александровской площадью, на которой со второй половины 1800-х до начала

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-75

Бывший дом Ржевуской в конце XIX ст.

1820-х возникло четыре отделения (квартала) стандартных двухэтажных лавок, во втором этаже которых помещались жилые покои. Однако в 1820-х и позднее этот народный топоним относился к довольно широкому ареалу, включавшему несколько кварталов Греческой и примыкающих улиц, в частности, Екатерининской. Почему? Еще в конце XVIII столетия здесь появились довольно значительные торговые ряды, выстроенные частными лицами, наподобие Красных рядов, что синхронно возводились по Александровскому проспекту. Наиболее протяженные устроил венецианский купец греческого происхождения *Эммануил Лазаревич Лашкарев (Лашкари)*. В ведомости за 1798 год эта его недвижимость обозначена следующим образом: «Дом каменный,

по улице 11 лавок, при каждой по одному покою, погреб с 4-мя выходами, флигель о 9-ти покоях»; Лашкарев «торгует разными фруктовыми товарами на свой капитал».⁸⁷⁵

Речь идет о местах № 117-118 в XIV квартале Военного форштата, которые локализируются в современном адресе: улица Греческая, № 25, улица Екатерининская, № 25, – небезызвестный угловой дом Маврокордато с длиннющими балконами, построенный в 1899-м. В ходе первой раздачи мест (1794) они отведены флота мичману Матвееву.⁸⁷⁶ 1 июня 1796-го «флота лейтенант и кавалер Матвеев» передал эти места купцам: венецианскому подданному «Мануйлу Лашкареву» и цесарскому (то есть австрийскому) «Козме Дашкову». 12 мая 1798-го Дашков извещает городскую администрацию о том, что сполна получил от Лашкарева компенсацию за совместно выстроенный дом, «смежностью с одной стороны господина коллежского асессора Ивана Ивановича Дофине, а с другой стороны господина подпоручика *Михаила Ильича Карапцова*».⁸⁷⁷ Дофине и Карапцов получили участки одновременно с Матвеевым, но оба застроились. О Дофине мы знаем достаточно, что до Карапцова, то в 1794-м он значится аудитором, то есть младшим офицером, занимающимся финансовыми вопросами; обычно аудиторы выбирались из прапорщиков. Он вполне мог выйти в отставку подпоручиком, но в качестве счетчика приходно-расходной документации в Одесском магистрате (1796-1798) значится капитан Карапцов:⁸⁷⁸ тут либо документальная ошибка, либо у него был брат.

Как бы то ни было, уже в конце XVIII – начале XIX столетий несколько центральных кварталов Греческой улицы сделались крупным торговым центром, где реализовывали фрукты, вино, табак, бакалею. На рубеже веков Карапцов продал свой дом и участок итальянскому негоданту, выходцу из Пьемонта *Николаю Бальтазаровичу Юстиниани*. Как видно из генплана 1802-1803 годов, дом этот стоял по красной линии Екатерининской улицы, в пределах нынешней застройки торговым центром и, в отличие от дома Лашкарева, был невелик.

8 августа 1802 года купец из Умани *Нахман-Нусим Рабинович*, впоследствии упоминающийся как *Рапопорт*, приобрел эту недвижимость Юстиниани, включая большой зал, по нечетной сто-

роне будущей улице Екатерининской, посередине квартала, меж Греческой и Полицейской. 6 марта 1810-го уже опекуны умершего одесского 1-й гильдии купца Нусима Рапопорта формально продали (по типу маклерской сделки) сказанное место и недвижимость купцу польского происхождения *Жоису Иоанновичу Куцовскому* за 2.900 голландских червонцев (дукатов), из которых 2.300 составлял вексель за долг Рапопорта. То есть опекунам вернули этот вексель – с тем чтобы при фактическом заключении сделки доплатить оставшиеся 600 червонцев. Однако эти доверенные лица не были осведомленные о том, что данная недвижимость покойного состояла в залоге. Начались тяжбы, в итоге которых сделка с Куцовским так и не была заключена, а имение Рапопорта надолго осталось под опекой.⁸⁷⁹

Занимательно, что при формальном составлении сделки 1810-го, помимо места и недвижимости Куцовский приобретал и «один фортепьян новой черного дерева». Место покойного Рапопорта как раз и называли «старым клубным двором», то есть это и есть место временного театра, функционировавшего как раз при жизни Рапопорта. Двор этот выходил углом к месту и приметному дому графини Ржевуской, находившемуся на пересечении Греческой и Ришельевской и служившему хорошим ориентиром. Доверенным лицом вдовы Рапопорта был небезызвестный впоследствии Иосиф Гурович, причисленный в одесское купечество в 1812-м. Постфактум Рапопорта называют купцом, числящимся в гильдии города Умань, хотя, обзаведясь солидной недвижимостью в Одессе, он записался здесь в первую гильдию. Когда именно он ушел из жизни? В одной из описей Одесского городского магистрата значится утраченное архивное дело от 25 января 1810 года: вдова умершего купца Нахмана Рапопорта просит исключить ее из гильдии и записать в мещанство. Стало быть, Рапопорт ушел из жизни совсем недавно, вероятно, в том же январе 1810-го, либо в самом конце 1809-го.

Очевидно, «Большая зала» с «фортепьяно черного дерева» в доме Рапопорта, а ранее Куцовского – Старый клуб – и была первым местом общественных увеселений в Одессе, устраиваемых еще до функционирования временного городского театра. Сличение городских планов свидетельствует о том, что к 1802-му году

был построен небольшой фасадный дом, к которому примыкал обширный двор. Впоследствии это здание удлинилось, постепенно появлялись и различные дворовые постройки.

О том, насколько значимым социальным, этнически пестрым местом был дом Рапопорта в пушкинское время, говорит тот факт, что в нем, помимо *ренскогого погреба*, который содержал одесский купец Андрей Руджиери, помещались *кофейня* и *харчевня*. Первую содержал «одесский 3-й гильдии купец Джоржий Месини», а вторую – «экономический крестьянин Алексей Гайдуков», параллельно державший неподалеку трактир и харчевню в двух других частных домах. Опять-таки «в доме наследников Рапопорта, называемом старый клуб» открылось первое маклерское место набора «слуг и рабочих людей», каковое довольно долго содержал Янкель Моргенштерн. На рубеже 1820-1830-х «бывший дом Рапопорта» (очевидно, не все строения, а только их часть, ибо в сентябре 1833 года дом «умершего уманьского купца Нусима Рапопорта» в 1-й части отдавался внаем с публичного торга в присутственном месте городской полиции) принадлежал уже статской советнице Анне Новицкой и был выставлен ею на продажу. В это самое время (октябрь 1830 года) здесь по-прежнему функционировала греческая кофейня.⁸⁸⁰

Вернемся, однако, к дому Лашкарева. Эммануил Лазаревич, как и Карапцов, исполнявший обязанности счетчика в Одесском магистрате,⁸⁸¹ позднее принявший подданство России, вступивший в гильдию,⁸⁸² ушел из жизни ранее февраля 1820 года, поскольку 23-го числа этого месяца Строительным комитетом его малолетнему наследнику Лазарю Эммануиловичу Лашкареву выданы «план и фасад на построение дома и лавок» на тех же местах № 117 и 118.⁸⁸³ Лазарь стал серьезным предпринимателем, гласным Думы, кандидатом в члены Одесского строительного комитета еще в довольно молодые годы, а впоследствии – потомственным почетным гражданином, ушел из жизни в конце ноября 1874-го в возрасте 63-х лет.⁸⁸⁴ Это означает, что он родился в 1811-м.

Как четко видно из более поздних архивных документов, Лашкарев-младший фактически не строил новое здание, а лишь перестраивал и приводил в порядок прежнее, отцовское. Из списка

ренсковых погребов, составленного 13 сентября 1824 года, видно, что таковое заведение «в доме умершего купца Маноила Лашкарева в XIV квартале, под № 117 и 118» в пушкинское время содержал «коллежский регистратор Сарон». ⁸⁸⁵ Лишь 14 июля 1833-го архитектор Боффо подал в Строительный комитет следующий рапорт: «Составленный мною план по просьбе Лашкарева на построение дома вместо уничтоженных старой постройки лавок по Греческой улице, с нанесением на оный всей постройки – как по Греческой, так и по Екатерининской улице состоящих – при сем оному Комитету в трех экземплярах на утверждение имею честь представить». ⁸⁸⁶

11 ноября 1833-го одесский 3-й гильдии купеческий сын Лазарь Лашкарев окончил постройку и запросил владельческие документы. ⁸⁸⁷ Боффо констатировал, что все соответствует плану, земля от выборки под фундамент и подвалы, а равно строительный мусор вывезены. ⁸⁸⁸ Открытый лист выдан в конце декабря. ⁸⁸⁹ На сохранившемся плане – двухэтажный дом в 24 окна и 8 дверей по фасадам плюс угловые окно и дверь. ⁸⁹⁰ В раскладочной ведомости на 1848 года дом почетного гражданина Лашкарева оценен в 40.850 рублей серебром, а в ведомости на 1855 год «дом и два флигеля почетного гражданина Лашкарева» оценены в 38.000 рублей. ⁸⁹¹

Пушкин застал еще архаичный, но обновленный в 1820-м одноэтажный дом, вмещавший несколько больше лавок, нежели позднее. Правда, были они теснее и хуже освещены. Вполне мог покупать здесь, например, турецкий табак. В этом доме тогда и позднее помещались известные в городе винные погреба. Важно и то, что топоним «Греческая», «Греческий» изначально относились не только к формирующейся улице, но к некоему ареалу: *не рынок дал народное название улице, а наоборот*. Это тем более очевидно, что первые отводы под застройку на площади начались лишь в декабре 1803-го, а первые лавки появились в 1804-1805 годах. ⁸⁹² В метрических записях 1822-1824 годов о крещении на дому младенцев довольно часто указано: «на Греческом», причем дома, где осуществлялся обряд, располагались вовсе не только на одноименном рынке, но и относительно далеко за его пределами. ⁸⁹³

Дом Кумбари

В ходе первичной раздачи участков под застройку в августе-сентябре 1794-го два места, занимаемые этим домом, получил капитан-лейтенант *Лазарь Егорович Марангопуло*,⁸⁹⁴ участник штурма Измаила, впоследствии капитан 2-го ранга (подполковник). Это № 111-112 в XIV квартале Военного форштата. Он был соратником Суворова, Ушакова, Пустошкина, Де Рибаса, Войновича, в российской службе с 1787 года. Волонтером, на собственном судне, воевал в составе флота греческого повстанца-корсара Ламброса Качиони (Кациониса), прапорщик (1788), мичман (1789), участник штурма Измаила, Браилова, Констанцы и средиземноморских походов русского флота, имел высочайшие награды, в том числе – орден Святого Георгия IV степени (26 ноября 1808). В 1793-1801 годах в чине капитан-лейтенанта – командир гребной флотилии, начальник береговой команды (с марта 1798-го) и новостроящегося порта в Хаджибее и Одессе, первый капитан над одесским портом, был близок к семейству греческого попечителя Кесоглу. Получил несколько мест под застройку непосредственно от де Рибаса и де Волана, но, как и многие офицеры, быстро застроиться не сумел, и места передали в другие руки. Крейсировал в Черном море (1806-1812), затем служил в Таганроге и Николаеве, после чего в 1823 году снова перебрался в Одессу, где в чине подполковника управлял ластовыми экипажами, и в звании комиссионера Черноморского флота построил здесь дом по проекту известного архитектора Ивана Козлова (1834). «Бывши вдов и не имевши детей, – сообщается в некрологе, – завещал принадлежавший ему в Одессе каменный дом здешнему Греческому коммерческому училищу». Дом этот сохранился на углу Ришельевской, № 50, и Базарной, № 74, улиц. Скончался 9 декабря 1849 года на 86-м году, погребен на Старом кладбище.⁸⁹⁵

Историю застройки мест № 111-112 целесообразно продолжить информацией из «Крепостной книги Одесского коммерческого суда для записки купчих крепостей, закладных, дарственных и раздельных духовных завещаний» за 1822-й. 16 мая этого года 3-й гильдии купец Шай Вольфов Вайнберг по доверенности одесского 1-й гильдии купца *Сруля Лейбова Левенсона* продал не-

Бывший дом Кумбари. Снимок автора

жинскому греку *Александру Кумбари* интересующую нас недвижимость, доставшуюся ему по купчей от помещика Ольвиопольского уезда VII класса (то есть надворного советника) *Чаркова* 3 декабря 1821-го. Длина участка 30 сажень, а в ширину, по улице, 15. Уплачено 35.000 рублей государственными ассигнациями.⁸⁹⁶

Присутствие Александра Кумбари фиксируется в Одессе с 1820-1821 гг.: один сюжет уже упоминался, другой – санкция ОСК на продажу ему мачтового дерева для экипировки его торгового судна.⁸⁹⁷ Шая Вайнберг (Исайя Вейнберг), как и Сруль Герш Левенсон (Левензон), – известные фигуранты ранней истории Одессы.⁸⁹⁸ Судя по сумме оплаты, приобретенный Кумбари дом был далеко не из худших, однако покупатель сразу же затеял масштабную его реконструкцию. Уже 25 мая 1822-го Строительным комитетом утверждены «План и фасад для построения дома нежинского грека Александра Кумбари».⁸⁹⁹

Здесь наш сюжет переплетается с предыдущим. 7 августа 1822-го опекун вдовы Рапопорта, купец Гурович, жалуется на Кумбари, который в ходе строительства на смежном «от старого клубного

двора месте» пробил окна в этот двор и перекрыл скатом крыши крышу дома Рапопорт.⁹⁰⁰ Это свидетельствует о том, что дом Кумбари удлинился по Полицейской улице, причем двухэтажной пристройкой, и что в августе эти работы заканчивались. Так оно и было, поскольку 4 ноября того же года винный откупщик Г.И. Маразли поставил этот новый дом Кумбари в залог по откупу на 1823-1827 гг. В несгораемых материалах недвижимость оценена в колоссальную сумму 303.230 рублей.⁹⁰¹ 9 декабря архитектор Боффо докладывает о том, что «все строения в самом хорошем состоянии», причем сделана значительная пристройка, оценочная стоимость высока.⁹⁰² В 1817-м курс ассигнационного рубля к серебряному составлял 25,17, и с этого времени неуклонно рос: в 1824-м – 37,40. То есть оценочная стоимость недвижимости – не менее 100.000 в серебре. Качественная оценка этого огромного по тем временам строения имеется и в другом архивном документе, от 31 июля 1823 года, связанным с залогами по винному откупу: солидная двухэтажная постройка, подвалы на сводах, службы и прочее.⁹⁰³ Впрочем, к середине XIX столетия оценка упала вдвое: в 1848 году – 44.900 рублей серебром, в 1855-м – 46.936.⁹⁰⁴

Анализ картографических источников уточняет текстовую информацию. На генплане 1802-1803 гг. мы видим лишь длинный дворовой флигель по границе «старого клубного двора», но не во всю длину места. На городском плане 1807-го и 1814-го участок обозначен уже застроенным по всему периметру. Следовательно, по крайней мере часть основных строений до 1822-го была одноэтажной. Из плана 1828-го видно, что существовал широкий въезд в обширный двор со стороны Полицейской улицы.

В данном случае отброшу перечисление всех тех многочисленных заведений, которые помещались тут в 1820-х и далее: это отняло бы слишком много места, причем без особого эффекта. Отмечу лишь, что в целой серии погребов и погребков реализовывалось откупное пиво, мед, вино, водка, коньяк и проч. Первый этаж арендовали различные лавки, магазины, включая книжные, предприятия общепита, в том числе – чайные трактиры и т. д., верхний этаж арендовался под жильё.

Короче говоря, мы четко видим, что представлял собой дом Кумбари в 1823-1824 гг. Трудно представить себе, что Пушкин не бродил

по ближним кварталам Екатерининской, относящимся к Греческому базару, не осматривал католический и греческий храмы. Следовательно, миновать примечательный дом Кумбари он никак не мог.

Временная Свято-Николаевская соборная церковь и Католический храм

Очень своеобразна и практически не изучена ранняя история кварталов, в пределах которых расположены Католическая и Греческая церкви. Из упомянутого выше генплана 1802-1803 гг. и комментариев к нему отчетливо видно: 1) нынешний квартал, ограниченный улицами Екатерининской, Жуковского, Ришельевской, Бунина, представляет собой площадь, на которой находились временная деревянная Николаевская соборная церковь и заложен Католический храм; 2) квартал, где находится Греческая церковь, – меж Екатерининской, Успенской, Ришельевской, Троицкой – представляет собой частично застроенный обычный жилой квартал. Подоплека такова, что заложенная в 1795-м⁹⁰⁵ на будущей Соборной площади Николаевская соборная церковь по недостатку средств довольно долго не достраивалась; по этой причине примерно на углу нынешних улиц Бунина и Ришельевской устроили временную деревянную. Это был первый значимый в городе приход, в котором, к слову, освящен дарованный Одессе в 1798-м герб. Сохранились приходские метрические книги,⁹⁰⁶ сведения о причте, ктиторах⁹⁰⁷ и проч. Что до Греческого храма, фактически тоже временного, то изначально он функционировал на Арнаутской слободке, и на период составления генплана закладка нового, стационарного в интересующем нас квартале еще не состоялась.

Возобновление строительства Собора началось уже под эгидой герцога Ришелье. 8 апреля 1804 года по этому поводу состоялся крестный ход от старого к новому собору, а освятили его 25 мая 1808-го.⁹⁰⁸ Исследование дальнейшего развития сюжета сооружения особых проблем не создает, обстоятельства детально фиксируются, например, в журналах заседаний Одесского

строительного комитета: поставка материалов, финансовое обеспечение и т. д.⁹⁰⁹ Вопросы вызывает как раз история строительства, эксплуатации, эволюции Католического храма, и прежде всего по причине утраты двух краеугольных архивных дел: «О пособии на построение Католического костела», от 22 декабря 1804 года, на 122 листах⁹¹⁰ и «Об окончательной отделке Католического костела, от 26 апреля 1808 года, на 40 листах.⁹¹¹ Впрочем, есть возможность хотя бы отчасти восполнить этот пробел информацией, почерпнутой в журналах Строительного комитета и других источниках.

Католический молитвенный дом функционировал в Одессе с самых первых лет существования города. Это видно, к примеру, из архивного дела 1830 года «О доставлении архивариусу новороссийского генерал-губернатора переписки об отводе в 1796 году для Католической церкви земли».⁹¹² Судя по всему, первичная католическая община сформировалась годом ранее, ввиду довольно широкого представительства уроженцев соответствующих стран: уже в реестре отвода мест под застройку в августе-сентябре 1794-го мы встречаем итальянцев, австрийцев, французов, поляков, испанцев. Скажем, к немногочисленной, но влиятельной итальянской колонии нарождающейся Одессы принадлежали братья де Рибас, плац-майор Августин де Пачиоли, неаполитанский вице-консул Гаэтано Гульельмучи, архитектор Франческо Фраполли, крупный строительный подрядчик Витторио Поджио, негоциант, гофмаклер биржи Пьетро Сканцио, член магистрата подпоручик Сильвестр Дель Сассо и др. В январе 1800 года «пастор Падре Андреа-Аридоли-Пароха» доносил в магистрат о том, что к его приходу относится 29 домов, в коих 147 душ католиков, в основном купеческого звания. «При доме земли и руги (то есть государственной выплаты священнику. – **О. Г.**) не имеется, ризница заводится вновь, в богослужебных книгах недостатка нет, поучения читаются, а проповедей не сказывается».⁹¹³

Ссылаясь на архивное дело, которое до нас не дошло, Смольянинов сообщает о закладке Католического храма в 1802 году.⁹¹⁴ Закономерен вопрос: там ли он заложен, где находился первичный молитвенный дом, по крайней мере, в том ли квартале? Однозначного ответа пока нет. Согласно самым ранним планам

города, Католический храм предполагалось возвести на Александровском проспекте, но вскоре местоположение изменилось. Павел Сумароков (1799) пишет: «В Одессе церквей: деревянная – 1, начатых каменных – 3, старообрядческая – 1, часовня – 1, и Еврейская школа».⁹¹⁵ Речь идет о временной Николаевской соборной церкви, недостроенных храмах: Соборном, Екатерининском, Греческом – на Арнаутской слободке. Католический не упоминается вовсе, а это может означать, что он функционирует как частная жилая или хозяйственная постройка. Сооружение костела община начала в 1802-м своими силами, а с 1804-го его курировал де Ришелье. Кураторство герцога отмечает и Шарль Сикар.⁹¹⁶ Попечителем выступал подпоручик российской армии в отставке, домовладелец, землевладелец, один из первых муниципальных деятелей Сильвестр Дель Сассо, которому я не так давно посвятил очерк в одной из книг.⁹¹⁷

Для поддержки де Ришелье распорядился отпускать средства из суммы, собираемой за отпуск экспортируемого через порт зерна – по 2 ½ копейки с четверти (209,91 литра; от 8-ми до 10 пудов, в зависимости от влажности). Показателен активный 1805 год. Деньги и материалы отпускаются Дель Сассо и «патеру Елизеусу». 16 января в ответ на рапорт попечителя Строительный комитет выдает 336 руб. 33 коп., 27 марта – 150 руб., 4 апреля – 250 руб. на штукатурные работы, 20 апреля – 500 руб., 2 мая у крупных негоциантов Фореггера и Катля приобретено 14 бочонков белой жести (6.284 листа) – 942 руб. 60 коп., 19 мая из портовых материалов отпущено четыре пуда железа и восемь четвертей угля на изготовление креста, 22 мая – 1.000 руб., 12 июня – 1.000 руб.⁹¹⁸ Этот перечень можно продолжить. Скажем, 20 сентября 1806 года куплено 445 листов жести по 25 копеек за лист, затем еще 500, а 8 октября Комитет отпускает средства на покупку дополнительно 600 листов.⁹¹⁹ Итого получается 1545 листов жести – это ли не свидетельство масштабности сооружения?

Отсутствие упоминавшегося архивного дела от 22 декабря 1804 года «О пособии на построение Католического костела», меж прочим, лишает нас информации о ходе строительства на собственные средства представителей общины в 1802-1804 годах. Но совершенно ясно, что «каменные работы» они осуществили

сами: на генплане 1803 года Католическая церковь обозначена № 26, при этом поясняется, что сооружение уже доведено до карниза. Это понятно, тем более что первыми крупнейшими поставщиками камня в городе были Витторио Поджио и Феликс де Рибас. В сообщениях журналов Одесского строительного комитета 1805-го речь идет уже об отделочных и кровельных работах, устройстве креста.

Новый храм не только масштабен по тем временам, но и довольно благолепен. После завершения строительства здания начинается его внутреннее благоустройство. 18 января 1809 года заключен контракт «с иностранцем, слесарным мастером Эбервин (Эбервейном. – О. Г.), о наблюдении ему за состоящими при одесской католической церкви часами и о починке оных». Согласно этому документу, мастер получал 100 рублей в год за исправное содержание плюс 100 рублей единовременно за починку часов до начала срока действия контракта.⁹²⁰ В тот же период «иностранец Антон Котвальт» подрядился изготовить для Католической церкви четыре капители, за первую из которых 8 февраля Комитет выплатил ему 50 рублей. 22 марта он полностью окончил работу, 8 апреля городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал ее (полагаю, Фраполли проектировал и сам храм), и Котвальту выплатили остальную причитающуюся сумму.⁹²¹ 10 июня 1809 года «ксендз одесской Католической церкви Максимилиан» просит Строительный комитет об отпуске извести, каковое ходатайство было удовлетворено.⁹²²

Синхронно понемногу начиналась своеобразная застройка квартала, в начале столетия лишенная других сооружений, кроме временной соборной церкви Святого Николая и постепенно возводимого костела. Первым застройщиком был упоминавшийся гофмаклер *Пьетро Сканцио*, очевидно, один из спонсоров строительства Католического храма. Свой дом он возвел на самом углу будущих улиц Екатерининской и Почтовой. 12 июля 1806-го австрийский негодант, крупный экспортер в 1800-1820-х *Марк Андрич (Marco Andrich)* доложил о приобретении на аукционном торге имения умершего гофмаклера Сканцио – дома и участка 15×15 сажень «на площади, где католическая церковь», и 24 июля получил «открытый лист»,⁹²³ то есть владельческие документы от Строительного комитета.

Надо сказать, что у Андрича и Католического храма – как у владельцев недвижимости – отношения складывались чрезвычайно конфликтно. Сперва претензии предъявляла церковь – по поводу того, что Андрич пробил в своем доме окна на их участок и установил балкон.⁹²⁴ Затем в Комитет жаловался уже домовладелец, в связи с захватом соседями принадлежащей ему земли. Конфликт затянулся на годы.⁹²⁵ В конце 1820-х Андрич ушел из жизни, и по долгам перед Одесской конторой коммерческого банка этот дом сдавался внаем на их погашение.⁹²⁶

В метрических книгах Греческой церкви фиксируются: рождение, крещение и отпевание сына Андрича, младенца Валериана Марковича (1818), рождение и крещение сына Владимира (1811), рождение дочери Олимпиады (1813), отпевание двухлетнего сына Степана (1814), упоминается сын Илья (в 1818-м – вероятно, подросток).⁹²⁷ Меж тем мы не можем утверждать, что, несмотря на югославянскую фамилию, Андрич непременно был православым, ибо знаем множество австрийских выходцев – славян, принявших католичество, дабы облегчить на родине карьеру. Мы пока не имеем и метрической записи о его отпевании. А вот супруга Смарагда наверняка была гречанкой. Согласно российскому законодательству, дети от такого смешанного брака подлежали крещению в православие, так сказать, в рабочем порядке.

Фрагмент гравюры Боссоли 1836 г. Справа
вверху различим первозданный костел

Место, «где была временная русская церковь», то есть со стороны будущей Полицейской (Бунина) улицы, 31 декабря 1807 года запросил под приватное домостроение аптекарь *Johane Schmidt*.⁹²⁸ Однако места здесь он не получил, и предпочтение было отдано самому Католическому храму, построившему здесь собственный доходный дом, впоследствии подвергавшийся реконструкциям и достройкам. Здание изначально было довольно солидным, и уже ранее 13 августа 1814 года находилось в залоге от держателей винного откупа с оценкой в 22.500 рублей.⁹²⁹

Летом 1812 года, накануне чумной эпидемии, подрядчики Симон Стифель и Иван Еройский под надзором графа Леона Рошешара произвели работы по мощению тротуаров, прилегающих к Католической церкви, дому Андрича и лежащей на противоположном углу Екатерининской Почтовой конторы. Кроме того, были вымощены и переходы через улицы.⁹³⁰

К дальнейшей истории Католического храма мы еще вернемся, а сейчас глянем, как она трактуется в наши дни. «Екатерининская, 33, римско-католический кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы, 1805, деревянный храм, арх. Фраполли Ф.; 1805-1819, перестроен в камне, арх. Фраполли Ф.; 1851-1853, заменен новой постройкой собора, арх. Моранди Ф. О. (проект), Гонсиоровский Ф. В., отец Г. Разутович (строительство), скульп. Фишер (памятник архитектуры); 2004, реконструкция...».⁹³¹ Все, что здесь написано, не просто нонсенс в свете изложенных выше архивных данных, но и лишено элементарной логики. То есть получается, что при острейшем дефиците ресурсов на довольно короткой хронологической дистанции строится один храм, демонтируется, затем другой, и тоже демонтируется, чтобы построить третий. Тем не менее подобная информация широко растиражирована в Интернете, и за неимением другой ею столь же широко пользуются.

Искаженное толкование истории Католического храма, понятно, появилось не просто так. Сумятицу, надо полагать, вносит сообщение, помещенное в солидном фолианте, изданном муниципалитетом к 100-летию Одессы. Издание чрезвычайно информативное, подготовлено коллективом авторов, в целом квалифицированных, но в отдельных случаях безупречных. Можно допустить, что два основополагающих в данном исследовании

архивных дела – 1804 и 1808 годов, о которых говорилось выше, были утрачены ранее начала 1890-х, а журналы Строительного комитета, соответствующий обширный фонд, картографические материалы этими авторами физически не могли быть подробно изучены из-за дефицита времени. По этой причине и сконденсировалось путающее карты резюме: «Римско-католическая церковь (по Екатерининской улице), во имя Успения Пресвятой Богородицы, сооружена сначала (в 1805 году) деревянной, но уже в 1809 году начата постройка каменной церкви. В настоящем же виде храм был совершенно окончен в 1853 году».⁹³²

Здесь уместно еще раз отметить, что авторитетный К.Н. Смольянинов, работавший с архивными документами в начале 1850-х в ходе написания «Истории Одессы», утраченные позже дела держал руках. Он прямо говорит о том, что капитальный Католический храм заложен в 1802 году, а в 1804-м при активном содействии де Ришелье сооружение продолжилось.⁹³³ Далее. Вступая в должность, герцог Ришелье запросил все имеющиеся статистические данные о состоянии Одессы и получил точную информацию. Так вот там упоминаются и недостроенные каменные церкви: две русских и одна католическая.⁹³⁴

Католический храм после реконструкции начала 1850-х

Одним из первых о храме пишет князь И.М. Долгорукий, посетивший его в июле 1810-го: «Католическая римская церковь на особом же дворе внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служит капуцин. Он меня водил по всему строению церковному: ходит по установлению своего ордена, босой, в одних туфлях, в сером капоте с отложным капюшоном, опоясан ременным поясом и с четками в руках. Он поминутно, ходя в церкви, приседал пред своим престолом». ⁹³⁵ Не тот ли это иезуит Маттео Молилари, который во время чумной эпидемии 1812 года приходил в Городской госпиталь к умирающему доктору Джованни Франческо Капелло? ⁹³⁶ Е.В. Полевщикова упоминает католического священника Матье Молилари и еще некоего безымянного иезуита как преподавателя Закона Божия в Благородном институте до приезда в Одессу протопресвитера Общества Иисуса Эрверанжа де Витри. ⁹³⁷

В одном из архивных дел из фонда ОСК об отводе мест обнаружил крайне любопытную информацию 1822 года. 21 сентября этого года исполняющий обязанности настоятеля Римско-католической церкви Корнелий Обушинский запросил Строительный комитет о выдаче копий документов на землю под церковь, строениями в городе и под хутором. 2 октября Комитет постановил выдать копии открытого листа от 31 июля 1811 года на места «в городе, с церковною площадью» и открытого листа от 2 июня 1819 года – на хутор. ⁹³⁸ Это означает, что первичная застройка площади и обустройство хутора завершились ранее приведенных дат.

О дальнейшей истории храма, его собственной и смежной недвижимости сохранился ряд дел в фонде Одесского строительного комитета. ⁹³⁹ Принципиальным остается вопрос мнимой разборки первичного каменного Католического храма в середине XIX столетия. У меня нет никаких сомнений: в начале 1850-х он был не демонтирован, а лишь подвергся капитальной реконструкции, достройке, расширению. Это тем более очевидно, что сооружение было довольно масштабным, приглядным (достаточно взглянуть на синхронную иконографию, к примеру, Карло Боссоли), затратным, качественным, молодым. Характерно сообщение такого авторитетного свидетеля, как Эдвард Мортон, посетившего Одессу в 1828 году: «Католическая церковь (...) это была одна из первых

церквей, построенных в Одессе. Причина этого ясна – ведь герцог Ришелье сам был католиком. Церковь во многих отношениях подобна православному собору, который, по всей вероятности, стал ее видоизмененной копией. Оба сооружения весьма красивы и величественны». ⁹⁴⁰ К слову, иконография одесского костела 1830-х буквально один к одному совпадает с внешним обликом возведенного практически синхронно (1805) католического храма в Тульчине.

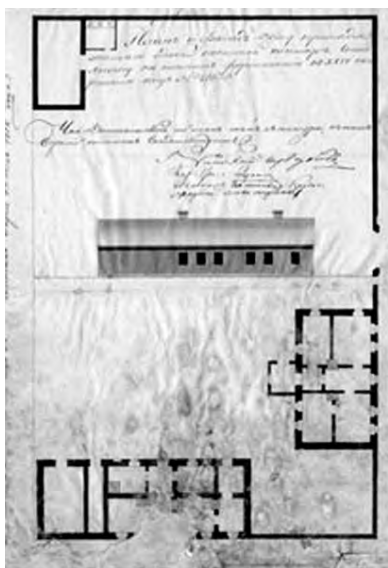
Римско-католическую церковь регулярно посещали даже представители русской знати: довольно, к примеру, назвать графа М.Д. Бутурлина, который молился, стоя на коленях. ⁹⁴¹ Одновременно с ним тут побывал П.П. Свиньин: «Католическая церковь невелика, но убрана с немалым великолепием. В ней замечателен прекрасный образ Богоматери, кисти Карла Дольче, присланный в церковь сию от М.А. Нарышкиной». ⁹⁴²

Поэтому исключаю возможность полной замены первичного храма новым: можно говорить лишь о реконструкции и достройке. Полный демонтаж не может не ставить и вопроса о судьбе захоронения графа А.Ф. Ланжерона. ⁹⁴³

Почтовая контора и соседи

Следуя от Католического храма к Греческому, мы оказываемся на следующем квартале нечетной стороны Екатерининской улицы, меж Жуковского (Почтовой) и Еврейской. Эволюция застройки тут тоже несколько необычна, поскольку связана с историей региональной почтовой службы. Здесь переплетаются интересы частных застройщиков, городской администрации в лице Строительного комитета, перекупщиков недвижимости, различных кредитных учреждений, частных заемщиков, институций откупа и проч.

Изначально Одесская почтовая контора занимала угловое место № 216 в XXIV квартале Военного форштата, на пересечении будущей улицы Почтовой и Покровского переулка – ныне пятно застройки 9-этажным домом по улице Жуковского, № 33. Сохранился чертеж фасада и план Ф. Фраполли (1812), из которого

План старой Почтовой конторы.
Ф. Фраполли. 4 апреля 1812 г.

видно, что контора представляла собой два одноэтажных строения, большее из которых стояло по красной линии улицы, другое – переулка, угол меж ними застроен не был. Территория ограждена каменным забором, въездные ворота в почтовый двор находились со стороны переулка за меньшим флигелем, в левом верхнем углу двора обозначена хозяйственная постройка, очевидно, конюшня.⁹⁴⁴ Та же ситуация отражена на городском плане 1807 года того же Фраполли, причем строение по улице Почтовой показано как новое. На генплане 1802-1803 гг. тут обозначено застроенным угловое место.

К этому времени значимость Одессы значительно возросла, сильно увеличился и объем почтовых отправок. Герцог Ришелье поставил перед Строительным комитетом задачу приобрести близ старой Почтовой конторы более приличное для нее строение, достроить и переоборудовать оное, а прежнее продать с целью частичного покрытия расходов. Выбор пал на близлежащую недвижимость находившегося в стесненных обстоятельствах помещика дворянина *Ксаверия Брезовского* (то есть *Бржезовского*). В общей сложности ее оказывалось более чем достаточно, и еще 21 февраля 1812-го де Ришелье определил продать часть этой недвижимости, также с целью покрытия расходов на обустройство новой почтовой конторы.

Не позднее 1809-1810 гг. в залоге по разным коммерческим операциям находились сразу четыре принадлежавших Бржезовскому дома и места, в том числе – два по нечетной стороне Екатерининской, № 206 и 202 в XXIII квартале военного форштата, то есть угловое место по Почтовой и смежное посередине квартала: ныне Жуковско-

го, 25, Екатерининская, 37. Оценочные свидетельства магистрата – соответственно от 21 декабря 1804-го и 27 июля 1809-го.⁹⁴⁵

Первые отводы сказанных мест – артиллерии лекарю Иерсу и лейтенанту Машину – датируются еще августом-сентябрем 1794-го,⁹⁴⁶ однако в положенный срок застроены не были. В 1796-м место № 202 передали артиллерии штык-юнкеру Андрею Савицкому, а место № 206 передали 17 июня 1803-го инженеру унтер-цейхвартеру Добришину. Савицкий застроился, и его место досталось Бржезовскому по купчей. Место Добришина так и осталось пустопорожним, и шляхтич построил там дом, на который получил владельческие документы в сентябре 1808-го.⁹⁴⁷

Активные действия по продаже старого почтового двора, покупке и перестройке недвижимости Бржезовского осуществлялись накануне чумной эпидемии, в июне-августе 1812 года. Аукционный торг проходил в два этапа по три дня в первой и второй декаде июня. Сперва его почти выиграл купец Бернштейн, назначивший цену 7.177 рублей, однако упоминавшийся выше *аптекарь Шмидт* прибавил еще 23 рубля до круглой суммы, и в итоге старая почта осталась за ним.⁹⁴⁸ Он, к слову, еще весной 1809-го принимал участие в другом аукционе, по продаже ветхого казенного дома по будущей Полицейской улице, возле Александровского проспекта, но тогда проиграл конкурентам.⁹⁴⁹ Расчеты со Шмидтом, что любопытно, надолго затянулись⁹⁵⁰ в связи со сложившимися по ходу катастрофической эпидемии обстоятельствами. В то суровое время он, рискуя жизнью и не считаясь с издержками, снабжал городских врачей медикаментами. В итоге город задолжал ему 12.171 рубль 28 копеек, тогда как за старый почтовый дом сам Шмидт должен 7.200 рублей плюс оформление купчей, всего 7.499 руб. 13 коп. Таким образом, долг остается как раз за городом – 3.672 руб. 15 коп., да за отпущенные им после этого аптекарские материалы – 3.987 руб. 75 коп. Расчеты отражают статус на 24 мая 1815 года, при этом Шмидт старым почтовым домом уже какое-то время фактически владеет,⁹⁵¹ но, во всяком случае, не ранее ликвидации чумной эпидемии.

Что касается оформления сделки на недвижимость Бржезовского, то для ее совершения в начале июля 1812-го в Херсонской казенной палате Комитет откомандировал туда коллежского

ассессора Дорошенко.⁹⁵² Однако, как мы увидим ниже, с купчей все оказалось не так просто.

Параллельно с аукционом по продаже старой почты Комитет составил и 6 июня заключил контракт на построение дома для почтовой конторы за 9.600 рублей с одесским купцом 3-й гильдии Василием Замятиным, что подкрепляется соответствующими залогами со стороны подрядчика.⁹⁵³ При этом он сразу получил транш, очевидно, в 2.000 рублей, поскольку при выделении следующего, от 25 июля 1812 года, сказано: еще 2.000 рублей.⁹⁵⁴ Из этого можно сделать вывод о том, что строительство продвигалось довольно быстро, а после ликвидации чумной катастрофы столь же энергично продолжалось.

Другое дело, возникла проблема реализации «излишнего строения» на месте № 202. Это обуславливалось необходимостью юридического урегулирования с кредиторами Бржезовского – как частными лицами, так и казенными структурами. Кроме того, и сам шляхтич стремился выкупить часть собственной недвижимости. Так, Одесский коммерческий суд заявил о претензиях купца Арешникова к Бржезовскому на сумму 5.817 рублей. Ответчик заявил, что претензия необоснованная, и он сие докажет в суде. Тем не менее 31 июля 1812 года рачительный Ришелье предложил придержать 6.000 рублей из следуемых Бржезовскому, так сказать, до выяснения. Кроме того, удержать из следуемых ему денег 1.000 рублей, взятые им в Комитете заимообразно 2 марта 1805 на 1 год из суммы 80 тысяч на ссуду одесских жителей плюс проценты за 6 лет и 5 месяцев на капитал, что составляет 385 рублей и 1% из этих процентов «на содержание огнегасительных инструментов» – это соответствует обычной процедуре выдачи ссуд.⁹⁵⁵ 14 августа во исполнение повеления Ришелье от 21 февраля Комитет определил «излишнее строение, из числа купленного у дворянина Бржезовского в казну для почтовой конторы, показанное по плану на военном форштате в XXIII квартале под № 202, продать с публичного торгу», торги назначить: 27 августа, 6 и 7 сентября, для присутствия при продаже откомандировать члена Комитета Инглези.⁹⁵⁶

По причине объявления карантина торги не состоялись, да и устройство новой почтовой конторы приостановилось. К этому вернулись лишь после ликвидации чумной эпидемии,

в заседании Строительного комитета 4 июля 1813 года. Освежались в памяти все обстоятельства: финансовые претензии к Бржезовскому, первый этап работы подрядчика, которому уже выдана часть положенной по контракту суммы, и проч. Кроме того, принято решение описать и оценить другую недвижимость шляхтича, которая может служить залогом по взятому Бржезовским подряду на земляные работы.⁹⁵⁷ К вопросу о торгах вернулись 19 марта 1814-го, и 29 апреля «излишня недвижимость», купленная Комитетом у Бржезовского, досталась авторитетному одесскому купцу *Семену Андросову* за 8.500 рублей. Желая вернуть собственность, Бржезовский 4 мая прибавил 25 рублей, и 14 мая состоялись новые торги. Андросов набавил еще 25 рублей. Тем дело не кончилось: 11 июля Комитет распорядился увеличить длину продаваемого с домом участка на три сажени для устройства ворот. Тогда Андросов прибавил еще 500 рублей, и недвижимость осталась за ним, несмотря на челобитные прежнего владельца, которому указали, что он «и теперь еще может удержать дом, прибавив цену».

В архивном деле четко указаны соседи: с одной стороны по улице Екатерининской – новый дом почтовой конторы, с другой – дом *штабс-капитана Балтакова*, позади – *маклера Славича*.⁹⁵⁸ Иван Егорович Балтаков фигурирует и в других архивных делах: в 1811-м – поручик Саратовского пехотного полка, в 1831-1832 гг. – отставной майор.⁹⁵⁹ Его недвижимость располагалась в пределах пятна застройки нынешних домов № 39 и 41, к углу Еврейской. Что касается тыльного участка Славича, то он находился в пределах пятна застройки нынешними строениями по улице Ришельевской, № 26.

Иван Егорович Балтаков фигурирует и в сюжете об истории застройки Александровского проспекта. Он владел еще двумя местами по Екатерининской, во 2-й части, в XIV квартале, под № 197 и 198, по нечетной стороне, напротив Старорезничной улицы, в ту пору отделявшей Рыбный ряд от Щепного. Ныне здесь трехэтажные дома, по Екатерининской, № 91 и 93. В пушкинское время эти участки были частично застроены небольшими сооружениями. В мае 1845-го отставной майор Балтаков сперва хотел достроить дворовой флигель на восемь сажений, поднять на два аршина каменный забор по улице, установить новые ворота, перекрыть черепицею маленький дом рядом с воротами. Однако уже

в июне решил вместо этого выстроить два дома по красной линии Екатерининской. Сохранились утвержденные Строительным комитетом фасад и ситуационный план, из которых видно: симметрично от въезда во двор будет построено два небольших дома, по четыре окна и двое дверей в каждом, явно предназначенные под торговые помещения.⁹⁶⁰ В раскладочной ведомости на 1848 год эта недвижимость оценена невысоко – в 1.834 рубля.⁹⁶¹

* * *

В интересующее нас время Почтовая контора была одним из самых социально значимых мест в городе. Одесса все-таки лежала в сильном отдалении от столиц, и новости получались с опозданием минимум в неделю. Почту ждали с нетерпением. Здесь уместно процитировать фрагмент повести «Выстрел»: «Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например, об ожидании почтового дня: во вторник и пятницу полковая наша канцелярия была полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет. Пакеты обычно тут же распечатывались, новости сообщались, и канцелярия представляла картину самую оживленную». Еще более оживленной дважды в неделю становилась Одесская почтовая контора, когда почту не только получали, но и принимали к отправлению. Тут регулярно или периодически пересекались все лица из пушкинского окружения, здесь сам Поэт, воленс-ноленс, встречался с чиновниками, военными, купцами, шляхтичами и т. д. Почтовые отправления получало лично абсолютное большинство адресатов, исключения составляли лишь высшие сановники, препоручавшие это дело адъютантам, чиновникам по особым поручениям и др.

Клубная гостиница, в которой обитал Пушкин, находилась всего лишь в четырех кварталах от Почтовой конторы. Можно было не тратиться на извозчика и без серьезных потерь времени добираться туда пешком двумя путями: либо три квартала по Ришельевской и затем квартал направо по Почтовой улице, либо один квартал по Дерибасовской до Екатерининской, а далее три – налево по Екатерининской. Можно было для променада идти в контору одним маршрутом, а возвращаться другим. Именно по этой причине и обращаю внимание читателей на те домо-

строения и заведения, мимо которых Пушкин проходил дважды в неделю, а следовательно, очень вероятно, что и заходил.

Важно прибавить, что в 1820-х и даже гораздо позднее в Одессе не было внутригородской почты, то есть письма, визитки, посылки доставляли посыльные, лакеи, дворовые люди и проч.

XXIV квартал

Есть смысл коснуться истории его застройки во взаимосвязи с эпизодом перемещения отсюда почтовой конторы на новое место. Нас будет интересовать недвижимость по нечетной стороне улицы Почтовой, меж Екатерининской и Покровским переулком. Как было сказано выше, старую почтовую контору (место № 216) перед чумной эпидемией 1812-го приобрел на аукционном торге аптекарь *Шмидт*, который владел ею, по крайней мере, до лета 1815-го. Сохранившееся архивное дело 1828-1831 гг. о территориальных претензиях тогдашнего владельца соседнего места № 215 григориопольского гражданина *Киркора Симонова (то есть Симоновича, Семеновича) Амасьянова* позволяет проследить переход из рук в руки всех мест этого квартала с самого начала его застройки.

Итак, бывшая почтовая контора меж 1815-м и 1821-м перешла к еврею *Рабиновичу*: в ту пору в городе проживало несколько предпринимателей с такой фамилией, причем неподалеку, поэтому воздержусь от атрибуции. Позднее место со строениями «куплено от казны», то есть явно за казенные долги оного Рабиновича, одесским первой гильдии купцом *Давидом Герцештейном*. Любопытно, что во времена владения этой недвижимостью Рабиновичем «во дворе были заведены *еврейские харчевни*».

Сказанное место № 215 – ныне застройка по улице Жуковского, № 31, – Амасьянов незадолго до конца августа 1828-го приобрел у титулярного советника *Федора Ковалевского*. Дом построен в 1797 году. Как видно из городских планов, он фасадный. О Ковалевском и его семействе есть информация в метрических книгах Свято-Николаевской соборной церкви. Из оценочных ведомостей городской недвижимости видно, что в 1823-1824 гг. этим домом владел именно Ковалевский.

Наиболее интересна ранняя и притом масштабная застройка соседних мест № 213-214, ныне – застройка домами по улице Жуковского, № 29 и № 27, угол Екатерининской. В день десятилетия Одессы, 22 августа 1804 года, эта недвижимость по купчей крепости досталась титулярному советнику Кривчику от флота капитана *второго ранга Леонтовича*, произведшего постройки в 1795-м. По журналу инженерной команды 1796 года все четыре места в этом квартале значились за артиллерийскими офицерами, однако, как видим, реально застроились другие лица. *Михаил Степанович Кривчиков* – фигура поистине легендарная в ранней истории Одессы. Офицер-первопоселенец (1794), один из первых застройщиков (вторая половина 1790-х), он с 8 мая 1800-го состоял приемщиком материалов в Комиссии по отстройке гавани в Одессе, а затем на протяжении трех десятилетий – комиссаром (прорабом) Одесского строительного комитета. Это абсолютный рекорд в подверженной постоянным ротациям юной Одессе. Награжден орденом Св. Владимира IV степени. В пушкинское время этот протяженный доходный дом Кривчикова имел оценку 20.000 рублей и давал годовой доход 1.000 рублей. При нем имелся целый ряд служебных построек, включая *дворовую баню*.⁹⁶² Другой свой солидный плановый дом с двумя местами, находившийся в пределах нынешней застройки «сталинкой» по ул. Жуковского, № 17, и одновременно Ришельевской, № 19, Кривчиков продал австрийским негоциантам *Георгию и Петру Теодоровичам*.⁹⁶³

Типологию ранней застройки близлежащих кварталов Екатерининской выборочно рассматривал в ряде монографий и отдельных публикаций.⁹⁶⁴

Примечания

⁸⁷⁵ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 140-141.

⁸⁷⁶ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.

⁸⁷⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 409, л. 8, 9.

⁸⁷⁸ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 130.

⁸⁷⁹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 621, 625.

⁸⁸⁰ Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 130.

- 881 А.В. Мавкидонов. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. – Запорожье: Просвіта, 2011, с. 239, 240.
- 882 ГАОО, ф. 17, оп. 6, д. 6. – 18+1 л.
- 883 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 1 об.
- 884 Одесский вестник. – 1874, 27 ноября, № 261; Греки Одессы. Ч. III. – Труды государственного архива Одесской области. Т. XI. – Одесса, 2004, с. 114-115.
- 885 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 243, л. 8.
- 886 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 409, л. 1А.
- 887 Там же, л. 7.
- 888 Там же, л. 10.
- 889 Там же, л. 11-13.
- 890 Там же, л. 3, 15.
- 891 Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5% То же на 1855 год, № 150.
- 892 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 237-268.
- 893 ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 3. – 152 л.
- 894 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.
- 895 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 349-350.
- 896 ГАОО, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 62.
- 897 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 126 об.
- 898 Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 123, 126, 206, 308, 369, 382, 378.
- 899 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 3. Нумерация мест в этом деле перепутана.
- 900 Там же, д. 282, л. 197-198.
- 901 Там же, л. 429-430.
- 902 Там же, л. 486.
- 903 Там же, д. 284, л. 161-173.
- 904 Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5; То же на 1855 год, № 152.
- 905 А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 76.
- 906 ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, 76, 80 и др.
- 907 Там же, ф. 17, оп. 3. Д. 28, 151, 152.
- 908 К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 140-141, 154.
- 909 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 220 об., 268 об.; Там же, д. 258, л. 99, 252 и др.; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 20 и др.

- 910 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 9. Утрачено.
- 911 Там же, д. 30. Утрачено.
- 912 Там же, оп. 2, д. 212.
- 913 А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 84-85.
- 914 К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 143.
- 915 Павел Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – Москва, 1800, с. 216.
- 916 Письма об Одессе. – СПб., 1818, с. 28.
- 917 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 150-157.
- 918 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 29 об., 30, 112, 134 об., 147 об., 178, 218 об., 224 об., 282 об.
- 919 Там же, д. 258, л. 57, 94 об.
- 920 Там же, д. 259, л. 25.
- 921 Там же, л. 61, 209, 224.
- 922 Там же, л. 380.
- 923 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 11-12.
- 924 Там же, д. 75, л. 41-45.
- 925 Там же, д. 127, л. 128.
- 926 Одесский вестник. – 1830, 26 апреля, № 34.
- 927 Греки Одессы. – Труды государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с.46-47.
- 928 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 1.
- 929 Там же, д. 80, л. 44.
- 930 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 121, 201, 224, 310, 360.
- 931 Валентин Пилявский. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. Справочник. – Одесса: Optimum, 2010, с. 44-45.
- 932 Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 394.
- 933 К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 141, 143.
- 934 Аполлон Скальковский. Первое 30-летие истории города Одессы. – Одесса: Optimum, 2007, с. 91.
- 935 И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – Москва, 1870, с. 144.
- 936 Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 167-184.
- 937 Е.В. Полевщикова. Французы в учебных заведениях Одессы. 1803-1822 гг. Французский ежегодник. – М.: ИВИ РАН, 2011, с. 110-126.
- 938 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 231, л. 192-193.
- 939 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2877; Там же, оп. 2, д. 386, 674, 1419; Там же, оп. 3, д. 211.

- 940 Эдвард Мортон. Одесса, какая она есть. Записки путешественника. – Одесса: Optimum, 2012, с. 96.
- 941 Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив. – 1897, № 5, с. 18-19.
- 942 П.П. Свиньин. Взгляд на Одессу. – Отечественные записки. – 1830, январь, с. 28.
- 943 К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 188. Примечание.
- 944 ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 266.
- 945 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 210.
- 946 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.
- 947 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 195.
- 948 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 52, 263.
- 949 Там же, д. 259, л. 280, 287.
- 950 Там же, д. 265, л. 91; Там же, д. 267, л. 496.
- 951 Там же, д. 268, л. 442-444.
- 952 Там же, д. 264, л. 134.
- 953 Там же, л. 28.
- 954 Там же, л. 234.
- 955 Там же, д. 264, л. 260-262.
- 956 Там же, л. 298, 313.
- 957 Там же, д. 266, л. 15-19.
- 958 Там же, д. 267, л. 150-152.
- 959 Там же, д. 265, л. 388; Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 175-176.
- 960 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 791, л. 1, 2, 3.
- 961 Список домам и прочим строениям в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 27.
- 962 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 159. – 22 л.
- 963 Там же, оп. 1, д. 663, л. 62-62 об., 64.
- 964 Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013; Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015; Олег Губарь. Дерibasовская, № 17, + Екатерининская, № 16: недвижимостъ Калафати (Санца). – Дерibasовская – Ришельевская. Кн. 63. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2015, с. 70-90. И др.

